

Сладкая Арман

НА ГРАНЯХ РЕАЛЬНОСТИ

УДК 82-3
ББК 84
А83

А83 **Арман С.**
На грядях реальности / Сладкая Арман – М.: Литнет, 2026. – 202 с.

ISBN 978-5-521-99368-0

Их любовь возникает там, где её не ждут, и сгорает там, где она казалась вечной. В двух мирах, в двух историях они ищут друг друга, переживая радость и предательство, страсть и утрату. Всё повторяется, но каждое чувство остро и неотвратно. И когда границы реальностей рушатся, всё, что казалось потерянным, вдруг становится возможным.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99368-0

© Литнет, 2026
© С. Арман, 2026

Глава 1

Реальность А *Стас*

Я стоял у массивной колонны, с бокалом вина, наблюдая за этим карнавалом. Очередная вернисажная вечеринка, очередной повод для пустых разговоров. Мое внимание, скользящее по пестрой толпе, внезапно наткнулось на островок напряженного спора. И застряло.

Она спорила с маститым галеристом Петровичем о каком-то инсталляционном перформансе. Брюнетка. Высокая, в простом черном платье, которое сидело на ней так, что хотелось изучать каждую складку. Ее карие глаза горели, жесты были резкими и точными.

– Вы называете это искусством? Это конвейерная банальность, лишенная даже намек на искренность! – ее голос резал воздух как стекло.

Петрович что-то бормотал о «новых формах», но она его буквально размазывала по стенке логикой и язвительностью. Я оторвался от колонны и подошел ближе, привлеченный этой внутренней силой. Она заметила мое приближение, на секунду ее взгляд скользнул по мне, оценивающе, и вернулся к оппоненту. Когда Петрович, покраснев, ретировался, она осталась одна, глотнув из бокала шампанского. Я подошел вплотную.

– Вы только что убили человека. Публичная казнь. Впечатляюще, – сказал я.

Она повернулась ко мне. Ее глаза были еще ярче вблизи, с золотистыми искорками вокруг зрачков.

– А вы всегда подбираетесь к жертвам, чтобы зафиксировать момент смерти? – парировала она без тени улыбки.

– Только к самым интересным. Станислав, – я протянул руку.

– Мария, – ее пальцы коснулись моих на мгновение, прохлад-

ные и твердые. – И вы, Станислав, тоже считаете, что эта... куча мусора в углу гениальна?

– Я считаю, что это дорогая куча мусора, которая хорошо вписывается в интерьер. Я архитектор. Для меня главное – чтобы ничего не падало на голову.

Уголки ее губ дрогнули. Почти улыбка.

– Прагматик.

Мы простояли еще час, и наш разговор был сплошным диалогом, быстрым и цепким, как поединок.

– Вы так яростно защищаете искренность, – сказал я. – Но разве эта ваша ярость – не тоже своего рода перформанс? Эффектный жест для галереи?

Она прищурилась.

– А вы всегда все сводите к расчету? Может, это просто аллергия на дутый талант.

– Аллергия проявляется сыпью, а не публичными казнями. Это уже осознанная позиция.

– Осознанная. Да. А у вас она есть? Позиция? Или вы просто ставите колонны, где скажут?

– Я ставлю колонны там, где они будут держать крышу. Без метафор. Впрочем, – я сделал паузу. – Есть одна вещь, которую я ненавижу в современной архитектуре.

– Ну?

– Бессмысленные стеклянные фасады. За которыми ничего нет. Та же куча мусора, только дороже.

– Bravo, – она слегка приподняла бокал. – Кажется, вы способны видеть суть. Хотя и прячетесь за цинизмом.

– Цинизм – моя броня. В вашем мире, наверное, тоже не выжить без кожи потолще.

– В моем мире? – она покачала головой. – У меня нет мира. Я свободный агент. Пишу статьи, иногда курирую проекты для тех, кто не боится. А боятся почти все.

– А вы не боитесь?

– Боюсь. Но равнодушия. Это хуже любой критики.

Мы обменялись еще парой колких, но уже более личных реплик. Она говорила об искусстве как о живом организме, который задыхается в стерильных пространствах белых кубов. Я возражал с позиции рационалиста, но уже без былой уверенности. Она разглядела во мне романтика в бронежилете. И, к моему удивлению, это не было обидно.

– Я ухожу, – объявила она наконец, достав из крошечной сумочки телефон. – Этот бой гладиаторов меня утомил.

– Позвольте проводить. Вдруг на улице вас поджидают обиженные современные художники.

– Я справлюсь, – она натянула легкое пальто. – Но... проводи-те до такси.

На улице был прохладный вечер. Воздух, после спертой атмосферы вернисажа, казался шампанским. Она шла рядом, молча, ее плечо иногда касалось моего.

– Ваш цинизм, – вдруг сказала она, не глядя на меня. – Он как тот стеклянный фасад. Красивый, прочный, и за ним совершенно непонятно, что происходит.

– Может, там сад, – предположил я. – Или библиотека. Или просто пустота.

– А вам самому-то интересно?

– Становится интересно, когда кто-то пытается разбить окно.

– Опасное занятие, – она наконец посмотрела на меня. – Можно порезаться.

Мы дошли до оживленного перекрестка. Я поймал такси, открыл ей дверцу. Она собралась залезать, но вдруг остановилась и обернулась.

– Спасибо. За компанию. И за то, что не стали спорить.

– Я умнее, чем кажусь, – усмехнулся я.

– Докажете? – посмотрела она мне в глаза.

– Как?

– Позвоните, – и она, выхватив у меня из рук телефон, быстрыми движениями набрала свой номер. В ее сумочке зазвонил звонок. Она протянула аппарат обратно. – Теперь у вас есть и номер, и доказательство, что я существую. А не привиделась вам после третьего бокала.

Но черт возьми, какое это имело значение сейчас? Весь мой прагматизм, вся выстроенная годами защита из иронии и скепсиса рассыпалась в прах. Она внимательно посмотрела на меня. Потом резко, почти импульсивно, поднялась на цыпочки и прижалась губами к моим. Это был вызов. Страстный, влажный, полный скрытой силы и обещания. В нем была вся она – дерзкая, непредсказуемая. Я ответил ей с той же жадностью, вцепившись рукой в ее волосы, чувствуя запах ее духов – что-то терпкое, с нотками кожи и табака. Она оторвалась первой, запыхавшись. Ее карие глаза потемнели, стали почти черными.

– До свидания, Станислав.

– До встречи, Мария. Очень скоро.

Дверца захлопнулась, желтое такси растворилось в потоке машин. Я остался стоять на тротуаре, сжимая в руке телефон. Весь мир вокруг будто отодвинулся на второй план. Медленно провел ладонью по лицу, пытаюсь вернуться в реальность. Вернисаж продолжался, но возвращаться туда не было ни малейшего желания. Все там казалось теперь бутафорией. Я повернулся и пошел не оглядываясь, давая ногам выносить наружу внутреннее напряжение. В голове стучала одна мысль: «Позвоните». Холодный воздух обжигал разгоряченную кожу, но внутри полыхало пламя, зажженное ее поцелуем. Архитектор во мне уже начал строить планы, но сердце, заглушая рациональный шум, билось одним словом: «Скоро».

Глава 2

Мария

Мой телефон завибрировал, как только я переступила порог квартиры. Незвестный номер.

– Надеюсь, таксист не оказался маньяком. Это Станислав. Тот, кто не спорит.

Я улыбнулась в трубку.

– Проверяешь, жива ли жертва? Я дома. И таксист был милейшей души человеком.

– Жаль. А я уже готовился к роли спасителя. Завтра. Бар «Ангар» на Патриках. Восемь вечера.

Это был ультиматум, поданный под соусом самоиронии. И мне это понравилось. Я ненавидела нерешительность.

– Будь там. И приготовьтесь, на этот раз я буду спорить.

– Жду с нетерпением.

На следующий день я провела в состоянии легкой лихорадки. Что надеть? Как себя вести? Я ловила себя на том, что в середине рабочего дня, редактируя статью о постмодернистской литературе, вдруг начинаю вспоминать, как его рука вцепилась в мои волосы, когда мы целовались. Притяжение. Два полюса одной магнетической стрелки. Каждая клетка моего тела, казалось, помнила его вкус – терпкий, с оттенком вина и чего-то неуловимо своего. Я злилась на эту навязчивость, но не могла остановить поток воспоминаний.

Бар «Ангар» оказался темным, шумным местом с отличной музыкой. Он уже сидел за столиком в углу, с бокалом виски. Увидев меня, он не встал, лишь отодвинул стул рядом с собой жестом.

– Садись рядом. Здесь лучше слышно.

Я села. Наша встреча была продолжением вчерашнего диалога. Он спрашивал, я отвечала, иногда резко, иногда задумчиво. Между

фразами висели паузы, в которых наши взгляды встречались и разбегались, словно испуганные птицы. Он смотрел на меня так, будто пытался прочитать мелкий шрифт на давно забытом языке. А я ловила себя на том, что разглядываю его руки – широкие ладони, длинные пальцы, легкие шрамы на костяшках. Руки, которые вчера держали меня так крепко.

– Итак, – сказала он. – Искусство. Настоящее. Докажи, что оно существует вне контекста этих ваших... вернисажей.

– Ты хочешь сказать, что «Джоконда» стала бы шедевром, вися в прихожей? – парировала я.

– В моей прихожей она бы пылилась. Но дело не в месте. Дело в том, что ее ценность создана не гением Леонардо, а миллионными туристами, которые приходят на нее посмотреть, потому что так надо. Стадное чувство.

– Цинично. А что насчет личного отклика? Ощущения, когда картина, книга, музыка бьет точно в нерв, заставляет чувствовать?

– Это называется гормональный всплеск. Химия.

Мы спорили три часа. Об искусстве, о политике, о смысле жизни, о глупости маленьких собачек и вкусе настоящей пасты. Спорили жаростно, азартно. Я забыла о времени, о том, что я должна казаться кем-то. Я была просто собой – едкой, саркастичной, увлеченной. И он принимал эти правила. Он не пытался мне понравиться. Он атаковал, парировал, смеялся своим низким, немного хриплым смехом. Его карие глаза, такие же темные, как и у меня, следили за каждым моим движением, ловили каждую эмоцию. В какой-то момент мы замолчали. Музыка сменилась на что-то медленное, блюзовое. Шум вокруг куда-то испарился.

– Знаешь что, – сказал он тихо, отодвинув свой бокал. – Ты самая утомительная женщина из всех, кого я встречал.

– Спасибо, – ответила я. – Лучший комплимент за всю ночь.

– Я не делаю комплиментов. Я констатирую факт. Мне с тобой интересно. И это чертовски раздражает.

Он заплатил по счету, не спрашивая. Мы вышли на улицу. Было уже за полночь. Город затих.

– Провожу, – заявил он, ловя такси.

– Я не маленькая.

– А я не спрашиваю.

В такси мы молчали. Его бедро плотно прижималось к моему, передавая тепло. Я чувствовала его запах – не одеколон, а просто запах чистой кожи, мыла, чего-то мужского и простого. Голова кружилась от вина, от усталости, от его близости.

У моего подъезда он вышел вместе со мной.

– Ну что, – сказал он, глядя на меня сверху вниз. – Приглашаешь на чай?

Это была не просьба. Это была следующая стадия нашего противостояния. И я знала, что проиграю. Я хотела проиграть.

– Только если ты обещаешь продолжать спорить, – выдохнула я.

– Обещаю.

В лифте он прижал меня к стене и поцеловал – глубоко и властно. Я отвечала с той же силой, впиваясь пальцами в его плечи. Дверь в мою квартиру едва успела закрыться, как мы уже срывали друг с друга одежду, спотыкаясь и задыхаясь, в прихожей, в коридоре.

Мы рухнули на кровать в моей спальне, еще полуодетые. Прикроватный светильник опрокинулся с тумбочки с глухим стуком. Нам было не до этого. Лунный свет, пробивавшийся сквозь жалюзи, выхватывал из тьмы обрывки наших тел: его напряженное плечо, спутанную простыню.

Его руки были повсюду – грубые, требовательные. Они срывали с меня последние покровы... Его ладони были шершавыми, руки архитектора, привыкшие к чертежам и моделям, а теперь изучающие изгибы моего тела. Он прижал мои запястья к кровати над головой, и этот жест владения, вместо того чтобы испугать, вызвал новую волну желания. Я выгнулась, пытаюсь освободиться, но он был сильнее.

– Держишь слово, – прошептала я, задыхаясь. – Продолжаешь спорить.

– Молчи, – его голос был хриплым, губы обжигали кожу на моей шее, скользили ниже, к груди. – Просто чувствуй.

И я чувствовала. Каждое прикосновение его губ, каждый участок кожи под его пальцами. Он был другим. Не таким, как предыдущие любовники, более нежными или предсказуемыми. В нем была ярость, жадность. Он не просто хотел меня, он хотел поглотить, присвоить. И я отвечала ему тем же. Мои ногти впились в его спину, я кусала его губу, пока не почувствовала вкус крови. Его зубы коснулись моего соска, и я застонала, дернувшись всем телом.

Когда он вошел в меня, это было резко, почти болезненно. Я вскрикнула, но не отстранилась, а, наоборот, обвила его ногами, притягивая ближе, глубже. Его тело было тяжелым, реальным, выбивающим дух. Он замер на секунду, его дыхание было горячим у моего уха.

– Боже, Маша... – прошептал он. Не Мария. Маша.

И потом уже не было слов. Только ритм. Жестокий, неумолимый. Стук кровати о стену, наши прерывистые стоны, хриплый шепот, в котором тонули и мои имя, и брань, и мольбы. Его лицо было искажено гримасой наслаждения и концентрации, волосы падали на лоб. В его глазах, таких близких, я видела вожеление.

Я кончила первой – тихо, сдавленно, с долгим, пронзительным стоном, будто меня разорвало изнутри светом. Он кончил сразу после меня, с тихим стоном, зарывшись лицом в мою шею. Его тело обмякло на мне, тяжелое и потное. Я лежала, глядя в потолок, чувствуя, как безумная дрожь внутри меня понемногу стихает. Он откатился на спину, запыхавшийся.

Минуту мы лежали молча. Потом он повернулся на бок, облокотился на локоть и посмотрел на меня. Его рука легла на мой живот, ладонью вверх, в немом вопросе.

– Что? – спросила я тихо, голос был сиплым.

– Ничего, – он покачал головой, и в углу его губ дрогнула тень улыбки. – Просто... ничего.